

Фэн Чэнъянь едва не выронил телефон, а на его неизменно спокойном лице промелькнуло удивление.

Цзян Най был крайне раздражен и продолжал отчитывать его на другом конце провода:

— Ты думаешь, можно хорошо позаботиться о детях, имея немного денег? Неужели ты думаешь, что если положить основной капитал в банк, прибыль начнет расти сама по себе от одного дуновения ветра?

Было очевидно, что он крайне недоволен.

Фэн Чэнъянь выпрямился и сделал знак рукой людям в конференц-зале, показывая, что совещание следует продолжить.

Затем он вернулся в свой кабинет, пытаясь поговорить с взволнованным возлюбленным:

— Цзян Най...

Но собеседник не дал ему шанса.

— Я знаю, о двух малышах хорошо заботит няня. И у тебя есть деньги, чтобы нанять сколько угодно нянь: одна не справится — поменяешь на другую. Но дети не растут по щелчку пальцев. Хотя они еще маленькие, они тоже многое понимают, умеют плакать и капризничать, понимают, когда им нужны объятия близкого человека...

Цзян Най почувствовал тяжесть в груди и сам повесил трубку.

Он прислонился к кухонному острову, прикусив изнутри нижнюю губу. Слезы помимо его воли хлынули из глаз, капая на белую мраморную столешницу.

Но всё оказалось вовсе не так просто, как он себе представлял.

Но сегодня он вдруг осознал одну вещь: даже если ему дать подробный ход решения, он вовсе не обязательно сможет правильно вывести ответ по шагам.

Только посмотрите, этот человек — какой же он хрупкий.

В детском доме он тоже был нелюбимцем.

Он пытался скрыть свою внутреннюю трусость громким голосом, но слезы срывали с него тщательно поддерживаемую маску и обнажали всё перед остальными.

Только так можно не стать похожим на него — вечно тревожного, хрупкого, сверхчувствительного, жаждущего чужой любви и в то же время не смеющего подпустить никого близко.

Только так можно жить обычной жизнью обычных людей этого мира, где есть завтраки, обеды и ужины.

Думая об этом, он вытащил еще несколько салфеток.

Он умел лишь прикрывать внутреннюю тьму истериками, криками и внезапными эмоциональными взрывами.

Были ли роды на самом деле, разве он, непосредственный участник, не знал этого?

После того как он сегодня так накричал, господин Фэн, наверное, ужасно разозлился. И наверняка посчитает его совершенно непрофессиональным, а его эмоциональное состояние — слишком нестабильным для того, чтобы хорошо воспитывать малышей.

Да и одному ему было неплохо. Вот так он поступил в обычный колледж в городе А, выбрав специальность «Кулинария и технология пищевых производств». Звучало бесперспективно, но ему очень нравилось.

Какая к черту генетическая экспертиза...

Дети — это плод любви родителей, но как такой человек, как он, мог вообще оказаться связан с Фэн Чэньянем?

Поначалу он думал, что ему достаточно иметь простую работу, которая позволит прокормить себя. Даже жизнь в крошечной арендованной квартире казалась ему обретением дома.

Его рождение не ждали, поэтому от него отказались.

На нижней части живота белел едва заметный шров — след от кесарева сечения. Несмотря на хороший уход, тонкая полоска ни на секунду не позволяла забыть, что когда-то здесь теплилась жизнь.

Лишь когда толпы расходились, он медленно выползал наружу.

Цзян Най торопливо вытащил бумажное полотенце, вытер стол, опустив голову, быстро поднялся вверх, запер дверь комнаты и, обхватив колени руками, молча сел на маленьком диване.

Вместо яблок нарезали груши: они не были тем, чего ждали люди, но и полноценными грушами не являлись.

В голосе Бабушки Цзян звучало сплошное сожаление, но та женщина-воспитательница подошла к делу куда более сухо:

— Эх, здоровье ребенка — это проблема. Кто же хочет вырастить яблоко, а в итоге получить нарезанную грушу?

Слезы казались дешевыми эмоциями: сколько ни старайся не показывать их людям, они все равно не поддавались контролю.

Какой же это стандартный образ дома!

Он собрал вещи в одиночку, закинул за спину рюкзак и отправился в школу, покинув детский дом, в котором прожил восемь лет.

Он — круглый сирота, без денег, без талантов, с неприятным характером, да еще и какой-то монстр, способный рожать детей.

Сейчас всё точно так же: стоило ему сделать лишь один шаг вперед, и он получил бы то, о чем так долго мечтал.

Он никогда не жаловался. Ему казалось, что его путь просто делает чуть больше зигзагов, чем дороги других людей, он немного сложнее и извилистей, а идти по нему тяжелее, но в конце этого пути его непременно ждет «счастливый дом».

С тех пор он перестал ждать появления мамы и папы, которые могли бы объявиться в будущем.

У него есть папа, есть «мама» и двое очаровательных малышей.

Он слышал, как Бабушка Цзян беседовала с другими воспитателями:

— Такой послушный ребенок этот Най-най, почему же никто не хочет забрать его домой?

То, что скопировано слово в слово — лишь одинаковые символы, а не окончательный ответ.

Взаимная любовь, брак и рождение детей — пожалуй, даже самые нелепые желтые газетенки не стали бы сочинять столь абсурдные фальшивые новости.

Он действовал строго по шаблону: у детей в семье должны быть и мама, и папа, они обязаны расти окруженными любовью, быть жизнерадостными, солнечными и наполненными любовью

к миру.

Но что толку в том, что они родились?

Он даже не знал, появились ли двое малышей на свет по любви или из-за внезапно свалившейся на голову случайности, которую в итоге пришлось принять.

Он не понимал логики, стоявшей за правильным ответом, и не знал, как выстраивать близкие отношения. Детский дом, школа, общество — ничто не научило его, как быть достойным членом семьи.

Правильный ответ напечатан на последних страницах учебника, и стоит только захотеть — получишь идеальное, аккуратно выполненное задание.

У многих его ровесников появились новые папы и мамы, новые семьи, и только он один так и остался совсем один.

В то время, когда он только очнулся, он был растерян и напуган, но в конце концов всё же решил влиться в эту жизнь.

Маленький Цзян Най стоял за дверью, прижимая к груди свою единственную плюшевую игрушку, и не издавал ни звука.

Он станет частью этого «дома».

Это было не столько жалобой на безответственного господина Фэн, сколько укором себе за то, что пропустил взросление детей.

Нет, нельзя так продолжать.

Ему нужно постараться еще немного и заслужить право быть эмоционально стабильным отцом для своих детей.

Нельзя вести себя как сварливая баба.

Какой бы сложной ни была задача, если переписывать её снова и относительно снова, он ведь должен в конце концов всё понять, верно?

Поэтому он вытер слёзы и умыл лицо.

Прибравшись в комнате, он вспомнил про недоделанную мясную начинку на кухне и поспешно

спустился вниз, чтобы заняться приготовлением сегодняшнего ужина для детей.

Вымесить фарш, замесить тесто, раскатать сочни... Аккуратные ряды готовых пельменей легли на бамбуковые подносы. Глядя на пузатые ряды полуфабрикатов, Цзян Най почувствовал, что на душе у него немного отлегло.

Если успокоиться, то Фэн Чэньян на самом деле не так уж плох.

В конце концов, он биологический отец детей, который в одиночку растил их целых три года, пока самого Цзян Ная не было рядом.

Он не жалел денег нанять лучших учителей для занятий, дома у детей было абсолютно всё необходимое, игрушки для игр стоили целого состояния, а за малышами приглядывало несколько нянь.

Они ни в чем не нуждались, не знали ни голода, ни холода.

А он сам выпал из жизни малышей с самого начала. Для них он, этот папа, — всего лишь нечто новое, появившееся только вчера, и, возможно, ничем не отличается от новой няни.

Пусть у него есть пробелы в воспитании, но ничего страшного, он может растить их вместе с ним, строго по книгам.

Цзян Най разбирался со своими эмоциями здесь, но на другом конце провода всё обстояло совсем иначе.

— Гудки... гудки... гудки...

Слушая короткие гудки в телефоне, Фэн Чэньян прислонился спиной к косяку двери кабинета, вспоминая тон Цзян Ная во время только что завершившегося разговора.

Голос был немного плачущим, казалось, он... плакал.

Это двое домашних чертенят довели его до головной боли? Или он остался недоволен предложением сделать генетическую экспертизу?

Сжимая в руке телефон, он вдруг вспомнил, как кто-то на вечеринке обмолвился, что хотя тесты ДНК в их кругу — дело довольно привычное, заканчиваются они обычно далеко не лучшим образом.

При этой мысли он резко распахнул дверь за своей спиной. Помощник Дин Юй, стоявший в

коридоре, от неожиданности шагнул назад и едва удержал равновесие.

Заметив, что начальник собирается уходить, тот торопливо спросил:

— Директор Фэн, вы куда?

Фэн Чэнъянь даже не обернулся:

— Домой, срочные дела.

Дин Юй озадаченно нахмурился: разве директор Фэн не вернулся домой сегодня ранним утром?

Вспомнив о менеджере Яне и остальных, которые всё еще ждали в конференц-зале, помощник робко уточнил:

— А как же быть с вопросом по поводу амбассадора?

Пусть Янь Юань сам разбирается с подписанием контракта с амбассадором бренда.

Неужели ради подписания какого-то второстепенного бренда нужно, чтобы большой босс лично сидел и контролировал процесс? Это же не многомиллиардный проект, чтобы деньги рекой текли каждую секунду.

Как верный помощник своего босса, Дин Юй тут же отрапортовал:

— Хорошо.

Следом он посмотрел на решительно шагающего вперед шефа и предложил:

— Директор Фэн, может, мне отвезти вас?

— Мм.

Услышав кивок шефа, Дин Юй развернулся за ключами от машины.

Уже собираясь уходить, он заметил в углу коридора инвалидное кресло.

Его прислал из хозяйственного отдела еще в прошлом месяце на случай непредвиденных обстоятельств.

Все, кто видел эту коляску, считали хозчасть свихнувшейся.

Они что, накликают на кого-то беду или намекают, что сломанные ноги не мешают сотрудникам трудиться?

Хотя все и считали это дурной приметой, раз вещь досталась даром, возвращать её никто не стал, и она так и пылилась в приемной секретариата.

Кто бы мог подумать, что она действительно кому-то пригодится.

Под удивленными взглядами коллег Дин Юй радостно сорвал упаковку и покатил коляску из секретариата.

Фэн Чэнъянь с хмурым видом посмотрел на черное кресло, его лицо помрачнело еще сильнее, а рука невольно легла на ногу.

Ловя на себе суровый взгляд начальника, Дин Юй внутренне дрожал, гадая, не подлизался ли он невпопад.

Хотя шеф сегодня утром почему-то хромал, он явно не относился к числу людей, перед которыми офисный планктон может открыто проявлять жалость.

Выражать сочувствие хромоту льву со стороны стаи голодных гиен — верный способ навлечь на себя гнев.

Просчитался, просчитался.

Пока он ждал, что начальник осыплет его едкими насмешками, коляска под его рукой качнулась, и облаченный в деловой костюм директор Фэн уселся прямо в нее.

Глядя на преисполненную финансового успеха макушку шефа, Дин Юй услышал низкий и уверенный приказ мужчины:

— Поехали.

Кресло, присланное хозяйственным отделом, оказалось электрическим, и скорость развивало вполне приличную. Дин Юй поспешил следом.

Поистине шеф — он во всем шеф, даже инвалидным креслом управляет так, будто всю жизнь на нем ездил.

— ...восемь, девять, десять, готово.

Ровно сто пельменей, слепленных с пятью разными начинками, каждое размером с детский кулак, с богатым наполнением, пузатые со всех сторон.

Цзян Най как раз собирался разложить их по контейнерам и отправить в морозилку, как со двора донесся звук автомобиля.

Кухня находилась совсем близко к парадному входу главного дома, и через боковое стекло было отлично видно, как черный автомобиль въезжает во ворота.

В те дни, когда Цзян Най прятался в комнате, он успел хорошо его рассмотреть: этот Куллинан принадлежал Фэн Чэнъяню.

Что такое? Неужели из-за его резкого тона по телефону Фэн Чэнъянь тут же примчался назад, чтобы свести с ним счеты?

Цзян Най терзался раскаянием: почему он не смог сдержаться? Они с господином Фэн едва знакомы-то всего ничего, а он уже посмел тыкать в него пальцем и называть ублюдком.

Наблюдая за тем, как машина подъезжает всё ближе, он одновременно аккуратно убирал пельмени в холодильник, лихорадочно перебира в памяти заготовленные ранее извинения.

Машина быстро остановилась, и с этого ракурса Цзян Най отлично видел пассажиров.

Дверь водителя открылась, оттуда вышел молодой человек в деловом костюме и повернулся лицом.

Цзян Най с облегчением выдохнул: не главный злодей.

Следом он увидел, как парень открыл багажник, вытащил оттуда какую-то черную штуковину и, повозившись пару секунд, разложил её в черное инвалидное кресло.

Инвалидное кресло? Цзян Най нахмурился.

Затем он увидел, как парень открыл заднюю дверь, и мужчина пересел из салона в коляску. Ему развернули кресло, являя миру его лицо.

Прямая осанка, выдающийся темперамент, золотая оправа очков придавала лицу мягкость и благородство; даже сидя в инвалидном кресле, этот человек не позволял смотреть на себя свысока.

Фэн Чэнъянь, казалось, заметил его: он поднял голову, его взгляд скользнул в его сторону,

стекла очков блеснули, а выражение лица оставалось нечитаемым.

Сердце Цзян Ная заколотилось, опущенные руки сами собой сжались в кулаки.

Когда мужчина скрылся из виду, Цзян Най прикусил нижнюю губу, чувствуя сильное напряжение.

Ему казалось, что он сейчас — тонко нарезанная сухая лапша, которую бросили на раскаленную сковороду и жарят на сильном огне до критического состояния.

Если не придумать способ выбраться из этой сковороды, он вот-вот сгорит.

Какими бы тяжелыми ни были шаги, как бы медленно он ни шел...

От кухни до гостиной всего несколько шагов.

Они быстро встретились в доме.

Цзян Най опустил глаза, видя лишь черные колеса инвалидного кресла и пару повседневных кроссовок, совершенно не сочетавшихся с деловым костюмом.

Он не смел произнести ни слова. Звук катящегося кресла наводил на него суеверный ужас, но спустя мгновение тот самый человек, которого он только что назвал ублюдком, заговорил ровным, спокойным голосом:

— Господин Цзян, я вернулся.

Господин Цзян тут же потерял остатки самообладания. Судорожно втянув воздух ногам сидевшего в кресле мужчины, он склонил голову и выпалил:

— Простите... только что... это я сорвался, вел себя отвратительно и судил обо всем однобоко. К тому же, я не знал, что вы ранены...

<http://bllate.org/book/22066/2294548>